

Тредиаковский Василий Кириллович (1703 - 1768), поэт, прозаик, теоретик.

Родился 22 февраля (5 марта н.с.) в Астрахани в семье священника. По настоянию отца учился в школе католических монахов-капуцинов, затем служил в церкви. В начале 1720-х, оставив службу в церкви, бежал в Москву, где в 1723 - 26 учился в Славяно-греко-латинской академии.

В 1726 отправляется в Голландию, живет в Гааге у русского посла, затем, пешком добравшись до Парижа, в 1727 - 30 учится в Сорбонне.

В 1730 вернулся в Россию, где начал активную литературную деятельность: напечатал перевод романа П. Тальмана "Езда в остров Любви" с приложением своих любовных стихов. Написанные самым "простым" слогом, они создали Тредиаковскому популярность.

С 1732 он становится переводчиком при Академии наук. В 1735 выступил в Академии с речью о необходимости реформы в русском стихосложении; позднее написал на эту тему трактат "Новый и краткий способ к сложению российских стихов". В нем была изложена новая система стиха - силлабо-тоническая, основанная на регулярном чередовании ударных и неударных слогов, - система поэтических жанров классицизма, приведены образцы сонета, рондо, мадригала, оды. Эта реформа определила дальнейшее развитие русской поэзии.

В 1745 стал академиком. Вскоре опубликовал первый в русской науке опыт изучения фонетического строя русской речи - "Разговор об орфографии" (1748).

В 1752 выходит двухтомный сборник "Сочинения и переводы как стихами, так и прозою", где изложил свои взгляды на теорию поэтического перевода. В это время

положение Тредиаковского в литературе и Академии становится все более трудным (в литературных спорах с Ломоносовым и Сумароковым взгляды Тредиаковского на стихосложение и структуру литературного языка не получили признания и поддержки у новых поколений литераторов). Из-за осуждения со стороны Синода за "сомнительность" наиболее значительные поэтические произведения - философская поэма "Феоптия" и полное стихотворное переложение "Псалтыри" - остались в рукописи.

Нападки на Тредиаковского усилились после выхода его исследования "О древнем, среднем и новом стихотворении российском", в котором отдавалось предпочтение силлабической поэзии перед новейшей.

В 1759 был уволен из Академии, но продолжал литературную работу: завершил переводы исторических трудов. Справедливая оценка деятельности Тредиаковского была дана только позже А.Радищевым, А.Пушкиным. Умер в Петербурге 6 августа (17 н.с.) 1768.

Использованы материалы кн.: Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. Москва, 2000. Из семь священнослужителя

ТРЕДИАКОВСКИЙ Василий Кириллович (22.02.1703-6.08.1768), поэт, переводчик, филолог. Из священнослужителей.

В 1723-26 Тредиаковский учился в Славяно-греко-латинской академии. В 1726-30 слушал лекции по математике, философии и богословию в Сорбонне. С 1732 служил переводчиком в Петербургской Академии наук.

Тредиаковский сыграл важную роль в становлении новой русской литературы и русского литературного языка. В 1735 он опубликовал труд "Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний", который положил начало реформе силлабической стихотворной системы.

В 1745-50 Тредиаковский был академиком Петербургской Академии наук. С 1746 он читал лекции по теории и истории ораторского искусства. В 1766 Тредиаковский издал "Тилемахиду" — перевод нравоучительного французского романа Ф. Фенелона. В произведении содержалась критика "злых царей", на совести которых лежат тяжкие преступления, в завуалированной форме намекалось на недавние события, приведшие к власти Екатерину II.

Л. Н. Вдовина "Неудачный поэт"

Тредиаковский Василий Кириллович - выдающийся русский ученый XVIII в. и неудачный поэт, имя которого сделалось нарицательным для обозначения бездарных стихотворцев. Родился 9 февраля 1703 г. в Астрахани, в семье приходского священника. Первоначальное образование получил из духовных книг в Троицкой школе, но словесным наукам учился у капуцинских монахов, на латинском языке. Существует известие, что отец предназначал юношу к духовному званию и намеревался женить его против воли, но последний бежал за день до свадьбы в Москву и там поступил в славяно-греко-латинскую академию. По другим сведениям, он выказал в астраханской школе отличные способности к учению и был отправлен в 1723 г. в академию в качестве лучшего ученика. Ко времени пребывания в академии относятся первые стихотворные попытки Т. в силлабическом роде и первые же драмы, впоследствии им затерянные. В 1726 г. Т. отправился за границу, не кончив курса в академии. В Голландии Т. жил у посланника гр. И. Г. Головина и выучился здесь французскому языку, в Париже - у посланника кн. А. Б. Куракина. Тем не менее, ему приходилось бедствовать за границей: просьба его в синод определить годовое жалованье для окончания богословских и философских наук не была уважена, потому что он числился бежавшим из академии. В Париже, куда он явился шедши пеш за крайнюю уже свою бедностью, он учился в университете математическим и философским наукам, слушал богословие, принимал участие в публичных диспутах. Светскую жизнь французского общества, с ее вычурно пасторальными стремлениями, Т. воспел в многочисленных русских и французских стихах. Последние сплошь посвящены любви и значительно превосходят русские благозвучием и даже известного рода изяществом. Кроме основательного знания французского языка, Т. приобрел в Париже обширные сведения в области теории словесности и классических литератур; он изучал и итальянский язык. Вернувшись в 1730 г. в Россию, он явился одним из наиболее образованных людей тогдашнего русского общества. В это время на смену талантливому Феофану Прокоповичу, который сделался не в меру сдержан и осторожен после кончины Петра Великого, шел не менее талантливый князь Антиох Кантемир, метко изобразивший убогое состояние просветительной русской мысли. Среди молодого поколения было немало приверженцев Петровских идей; частью это были люди знатного круга, имевшие возможность получить воспитание при исключительных для того времени условиях, частью - лица, путешествовавшие за границей и на личном опыте узнавшие благие стороны западной культуры. Но их влияние еще не распространялось на широкие

общественные круги, и человеку незнатному, как Т., приходилось делать ученую карьеру при обстоятельствах чрезвычайно трудных, требовавших от человека больших сделок с самолюбием и даже самопожертвования. Он должен был искать покровителей и защитников среди знати. Такой покровитель нашелся у Т. в лице того же кн. А. Б. Куракина, у которого он жил в Париже. Ему было посвящено первое печатное произведение Т., изданное на счет покровителя: *Езда в остров любви* (1730). Это - перевод старинной книги Поля Тальмана. Переводить на русский язык в то время было очень трудно; не существовало ни образцов, ни комментированных изданий, ни словарей; но если и принять в соображение все эти трудности, нельзя назвать перевод Т. удовлетворительным по отношению к благозвучию и чувству художественной меры; он был только точен и добросовестно верен подлиннику. Ему доставило успех самое содержание книги, посвященное изображению чувств изящной любви и уважения к женщине, новых в то время для русских читателей. В той же книге Т. поместил несколько стихотворений своей работы и предисловие, в котором впервые высказал мысль об употреблении в литературных произведениях русского, а не славянского языка, как было до того времени. Есть известие, что много лет спустя Т. собрал все, сколько мог достать, экземпляры этой книги и сжег. Во всем нуждавшегося Тредиаковского приютил у себя сначала академический студент Адагуров, с целью научиться от него франц. языку. В 1731 г. Т. жил в Москве, в доме Семена Кирилловича Нарышкина, и переписывался с Шумахером, который принимал уже по отношению к нему подобострастный тон. В Москве Т. мог убедиться еще раз в неприязни к нему духовенства, отказавшего ему в заграничной стипендии: его готовы были обвинить в атеизме, как изучавшего философию, по коей выходило, якобы Бога нет. В 1733 г. его принимает на службу академия с жалованьем в 360 р. и с обязательством вычищать язык русской пишучи как стихами, так и не стихами; давать лекции, ежели от него потребовано будет; окончить грамматику, которую он начал, и трудиться совокупно с прочими над дикционарием русским; переводить с французского на русский язык все что ему дастся. Ему пришлось также обучать русскому языку самого президента академии, Германа Кейзерлинга. В то же время Т. сочинял торжественные речи и стихи, проникнутые самой грубой лестью и самоунижением. Это были оды на восшествие на престол, на бракосочетания, на победы, на назначение нового президента академии и т. д. В 1734 г., по случаю взятия Данцига русскими войсками, Т. написал оду, посвященную, в лакейски льстивых выражениях, Бирону, и в конце ее поместил рассуждение об оде вообще, взятое им из *Discours sur l'ode* Буало, прибавив от себя чрезмерные похвалы Феофану Прокоповичу. В исправленном и переделанном на тонический лад виде эта ода появилась спустя несколько лет, уже без посвящения Бирону, находившемуся в опале, и без похвал Прокоповичу, тогда уже умершему. Путь Т. в качестве придворного стихотворца был испещрен разнообразными терниями. Рассказывают, напр., что при поднесении императрице Анне Иоанновне своих од Т. должен был от самых дверей залы до трона ползти на коленях. У священника Алексея Васильева оказался список песни Т., начинавшейся стихом: *Да здравствует днесь императрикс Анна*. Слово императрикс показалось подозрительным писцу духовного правления Семену Косогорову, и он донес о том своему начальству, Загорелось дело: в титуле ее императорского величества явилось напечатано не по форме. Священник Васильев и дьякон Савельев, доставивший песню, были отосланы в Москву в контору тайных розыскных дел. Т. должен был написать обширное разъяснение, при чем не

преминул коснуться свойств пентаметра. Употребил я сие Латинское слово, Императрикс, для того, что мера стиха сего требовала, ибо лишний бы слог в слове Императрица; но что чрез оное слово никакого нет урона в высочайшем титле Ея Императорского Величества, то не токмо Латинский язык довольно меня оправливает, но сверх того еще и стихотворная наука. Объяснения Т. были признаны резонными, и священник с дьяконом были освобождены без штрафа. 4 февраля 1740 г. Волынский избил беззащитного писателя, получившего приказание сочинить вирши к дурацкой свадьбе шута кн. Голицына с Бужаниновой. Долго и слезно молил Т. о вознаграждении его за бесчестье и увечье, но только после падения Волынского его просьба была услышана, и ему выдано из конфискованных средств обидчика триста шестьдесят рублей. Выполняя различные поручения академии и переводы, трудясь над самыми разнообразными видами литературных произведений, в роде Силы любви и ненависти, драмы на музыке (первая печатная на русском языке опера) или Истинной политики, изданной им на собственные средства, Т. долго не получал в академии никакого повышения. Он сильно нуждался и страдал от долгов. В ряде жалобных прошений и писем, в которых чувствуется истинная нужда и горе он говорит о своем жалком положении при котором, напр., после пожара в 1738 г., ему не на что было купить дров и свеч. Академия туго исполняла просьбы Т. о вспомоществованиях и ссудах, хотя материальное положение его особенно осложнилось в 1742 г. женитьбой. Только в 1745 г., когда Т. обратился с доношением в сенат и изложил по пунктам свои права на звание академика и испытанные мытарства, импер. Елизавета пожаловала его, по докладу сената, в профессора как латинския, так и российские элоквенции. С тех пор он стал получать 660 р. Одновременно был пожалован в академики и Ломоносов, с которым у Т. шла уже полемика по поводу ямбов и хореев. Результатом этой полемики, в которой принял участие и Сумароков, сначала вместе с Т., стоявший за хорей, а потом перешедший на сторону ямба, осталась любопытная брошюра, в которой писатели решились передать свой спор на суд читателей: Три Оды парафрастическая псалма 143 сочиненные чрез трех стихотворцев из которых каждой одну сложил особливо (1743). Позже эта полемика приняла ожесточенный характер, и с принципиальной перешла на личную почву: один писатель старался унижить и осмеять другого. Сумароков написал комедию, в которой вывел Т. под видом пошляка и педанта Трессотиниуса. Т. в отместку жестоко критиковал сочинения Сумарокова, пытаясь доказать полнейшее отсутствие в них оригинальности и таланта. Ломоносов в своих эпиграммах на Т. выражался так:

Языка нашего небесна красота Не будет никогда поправа от скота...

Т. говорил в ответной эпиграмме:

Когда по твоему сова и скот уж я,

То сам ты нетопырь и подлинно свинья. Правописание Т., изложенное им в разговоре между чужестранным человеком и российским об Орфографии, отличалось от общепринятого в то время главным образом исключением некоторых букв нашей азбуки и писанием прилагательных множественных в именительном падеже на и, е, я, а не е, я. В примечаниях изложена история создания славянской азбуки и ее последующие судьбы в эпоху московской и позднейшей гражданской печати. Книга об орфографии была напечатана в сент. 1748 г., на счет неизвестных благодетелей, которым она и посвящена. Она имеет и до сих пор значение в том отношении, что в ней впервые определенно высказана мысль о необходимости фонетического письма: писать так надлежит, как звон требует - мысль, занимающая умы наших филологов и педагогов поныне. Как профессор элоквенции, Т. сочинил Слово о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве. Здесь он указывал на важность изучения иностранных языков, особенно латинского, как довольно и предовольно вычищенного, но при этом предостерегал от увлечения: только да не называют его благороднейшим всех прочих, а особливо каждой своего природного, сие не знаю чем угрюмым дышет, и да не приписывают толь много чести Латинскому языку, дабы думать что все на все учение токмо на нем состоит. Мнения и замечания Т. о русской истории, в связи с характеристикой свойств славянского и русского языков, изложены преимущественно в Трех рассуждениях о трех главнейших древностей российских: а) о первенстве славянского языка пред тевтоническим, б) о первоначалии россос и с) о варягах руссах славянского звания, рода и языка, это рассуждение, свидетельствующее о немалой начитанности автора и в этой области, написано с предвзятым намерением доказать преимущество русского языка и народа. Впервые высказанное здесь мнение о славянском происхождении варяжских князей Т. основывает на предположении, что варяги-рус были поморские (прибалтийские) славяне, и что Рюрик вышел с о-ва Рюгена. Стремясь доказать древность русского языка и отыскивать повсюду следы первобытного пребывания славян, Т. обращается к филологическим сближениям и объяснениям, доходящим сплошь и рядом до комизма: слово варяги он понимает, как предварители (варяю - предваряю), слово скифы производить от скиты (скитаться), Париж - от царить, Мадрид - от мудрить и т. д. Важнейшие из переводных и оригинальных трудов Т. - несомненно те, которые относятся к теории словесности; здесь он стоял на высоте современной ему европейской науки. Особенно здравыми суждениями отличается его Мнение о происхождении поэзии и стихов вообще. Изложив здесь различные взгляды на происхождение поэзии и стихотворство (иное быть пиитом, а иное стихи писать), автор предлагает деление поэтических произведений на разные роды и виды, которых насчитывает более 23. Он признает отличительным признаком поэзии творчество, вымысел, но вымысел по разуму, естественный, правдоподобный, - и эта в настоящее время элементарно школьная мысль была тогда новостью для русского читателя. Первым стихотворением, написанным тоническим размером, введение и утверждение которого составляет большую заслугу Т., было поздравление барону И. А.

Корфу, назначенному в сентябре 1734 г. начальником академии. Несвойственный русскому языку, но прежде господствовавший в нем силлабический размер не удовлетворял Т., казался ему не совпадающим с музыкальным складом нашей стихотворной речи. Постепенно он напал на мысль о тоническом количестве слогов, и из стоп прежде всего остановился на хорях. Свою теорию он изложил в 1735 г. в руководстве Новый и краткий способ к сложению российских стихов, и в 1755 г., в статье О древнем, среднем и новом стихотворении российском. Возражая некоторым оппонентам, полагавшим, что новое стихосложение взято им с французского, Т. указал на источник, откуда возникло его нововведение: это были народные песни. Столь же основательны его суждения о комедии, на основании исследований Брюма и Рапена, об оде; из переводов выдаются Стихотворческая наука Буало (*L'art poétique*) и Эпистолы о стихотворстве Горация. О трудолюбии Т. лучше всего свидетельствуют переводы таких капитальных и многотомных трудов, как Древняя история Роллена (13 т.), Римская история Роллена и Кревье, История римских императоров Кревье (оба сочинения - 16 т.), не говоря уже о множестве других переведенных им книг, вроде аллегорического романа Барклея *Argenis* или получившей печальную известность Телемахиды, в 24 песнях. Трудолюбие и обширные познания Т. не были оценены по достоинству его современниками. У всех на виду было его неудачное стихотворство, и отзывы о нем долго страдали узкой односторонностью. Выйдя в отставку в 1759 г., но продолжая непрерывно трудиться и не переставая в то же время нуждаться, Т. умер непризнанным, среди глумления, насмешек и обид, 6 авг. 1769 г. Лучшие деятели конца XVIII в., Новиков и Радищев, относились симпатично к деятельности неутомимого труженика, беззаветно преданного делу родного просвещения. Если он не был оценен Карамзиным, то отзыв Пушкина утвердил за ним репутацию почтенного и порядочного человека. Шевырев находил проблеск поэтического вдохновения в стихах:

Вонми, о небо, и реку, Земля да слышит уст глаголы;
Как дождь я словом потеку, И
снидут как роса к цветку,

Мои вещания на доли. Находили у Т. хорошие стихи и Перевлесский, и Ир. Введенский, усердный панегирист нашего писателя, не смущавшийся тем, что эти стихи надо было выискивать, как жемчужины на дне морей. Историки литературы отнеслись к Т. чрезвычайно внимательно, отведя ему почетное место среди деятелей русской науки XVIII в.

Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон Энциклопедический словарь. Литература

1) 1752 г., СПб., в 2 томах;

2) Смирдина (СПб., 1849, 3 ч.),